СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСТОЧНОРОМАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ГОВОРА БУЛАЕШТСКИХ УКРАИНЦЕВ И НАДПРУТСКО-БУКОВИНСКИХ: ПАРАЛЛЕЛИ И ОТЛИЧИЯ¹

Алексей РОМАНЧУК
Институт культурного наследия

A comparative analysis of Eastern Romanian lexical borrowings in Bulaeshti and Prut-Bukovina Ukrainians' dialects: parallels and differences

The article considers the issue of lexical borrowings from the Romanian language present both in the dialect of the Ukrainians of Bulaesti village (Orhei district, Republic of Moldova) and in the Ukrainian dialects of Bukovina. The comparative analysis demonstrates that 42% of the dataset (407 borrowed from Romanian language words into the Bulaestian dialect) have not any analogies in the Bukovinian dialects. Also, 12% of these Bulaestian words have some analogies in the Bucovinian dialects, but with some differences in semantics, phonetics or stress (sometimes they differ in all three aspects).

Keywords: Ukrainian dialects, Bukovina. Moldova, lexical borrowings, Romanian.

Как тема восточнороманских влияний на говор украинцев села Булэешть (Орхейский р-н, Республика Молдова), так и проблема их сопоставления с ситуацией в надпрутско-буковинских говорах (ближайшеродственных булаештскому говору как в лексическом, так и фонетическом отношении), были ранее рассмотрены (или по крайней мере затронуты) в ряде работ (прежде всего см.: Романчук, Тащи 2010: 56-65; Кожухар 2015; Романчук 2017; Романчук 2020).

Сопоставление ситуации с восточнороманскими лексическими заимствованиями (и вообще восточнороманскими влияниями) в булаештском говоре и в надпрутско-буковинских представляется одним из важнейших направлений дальнейших исследований. Именно в силу того, что как раз надпрутско-буковинские говоры являются ближайшеродственными и, очевидно, в той или иной мере предковыми для булаештского говора. И при этом они также находились в состоянии длительных и интенсивных контактов с восточнороманским языковым континуумом.

Соответственно, сопоставительный анализ в данном случае позволит по крайней мере установить, в какой степени в обоих случаях отличается итоговый результат таких контактов. А также, возможно, даст и основания для определенных теоретических обобщений.

Материал для сопоставительного анализа предоставляет собранная ранее (и, так или иначе, рассмотренная уже в ряде работ ранее, прежде всего: Романчук 2019; Романчук 2020) база данных, содержащая чуть более четырехсот лексем булаештского говора. Часть ее была уже введена в научный оборот (Романчук 2020).

К сожалению, при публикации вышеуказанной статьи (Романчук 2020)

выпали все сноски – в которых была приведена значимая, на мой взгляд, информация. Рекомендую заинтересованным читателям обращаться к черновику-оригиналу статьи, размещенному в моем профиле на academia.edu.

Здесь же я хотел бы, пользуясь случаем, все же привести по крайней мере часть информации из этих выпавших сносок.

Именно при обсуждении булаештской лексемы /ал|теца/ ('платок (первоначально — исключительно белого цвета), кусок полотна, который вешается под стрехой над дверями в доме, где кто-то умер'; рум. *altiță* считается южнославянским (скорее всего) по происхождению (СДЕЛМ 1978: 25)) мной было обращено внимание, что в данном случае происходит отверждение мягкого согласного /t'/ при заимствовании в булаештский говор.

Процитирую: «В связи с вышеупомянутым отверждением /t'/ в булаештском /ал|теца/, обращает на себя внимание тот, весьма любопытный и требующий дальнейшего осмысления, факт, что и в других соответствующих восточнороманских заимствованиях булаештского говора не произошел крайне характерный для булаештского говора (как неоднократно отмечалось) переход /д'/ в /g'/, и /т'/ в /к'/). В частности: /|гaрд'ина/ – 'паз, в который вставляется днище бочки' (рум. *gardină*); /ба|д'ей/ – 'старший брат'; 'вежливое обращение к старшим' (рум. *bade*), /|деджа/ – 'воровство, грабеж' (рум. *dîjmă* 'подать, десятина'); /т'|гайа/ – 'сковорода' (рум. *tigaie*); /|т'аск/ – 'пресс для винограда' (рум. *teasc*); /т'im'i|л'ийа/ – 'фундамент, основание' (рум. *temelie*); /|т'арфа/ – 'женщина легкого поведения' (рум. *tearfă, târfă* с широким спектром значений, в том числе и соответствующим булаештскому); /|т'афореий/ – 'хороший, годный' (рум. *teafăr 'sănătos, întreg, nevătămat; zdravăn; cu mintea întreagă, sănătos la minte'*)» (Романчук 2020: 81-82).

В соответствующей сноске эта информация была дополнена указанием на то, что практически все из числа перечисленных выше лексем (за исключением *gardină*), представляют собой либо заимствования из славянских языков (или при славянском (южнославянском) посредничестве), либо слова неясного, как полагают, происхождения.

И, как было указано далее в статье, анализ данных восточнороманских лексических заимствований булаештского говора позволяет сделать важный вывод относительно времени и причин возникновения одной из важнейших фонетических особенностей булаештского говора: «То есть, судя по этим данным, переход /д'/ в /g'/, и /т'/ в /к'/) в булаештском говоре, по всей видимости, возник и развился до и/или вне связи с его контактами с восточнороманской средой. И этот факт, безусловно, имеет важное значение для установления времени и обстоятельств формирования как данной характеристики булаештского говора, так и самой этнографической группы булаештских украинцев» (Романчук 2020: 82).

В сноске, прилагаемой в черновике статьи к данному абзацу, этот вывод был существенно развит и дополнен. А именно указывалось, что в общем и целом указанный феномен (переход /д'/ в /g'/, и /т'/ в /к'/), как я отмечал ранее (Романчук 2017: 309-310), представляет собой наследие и проявление

ние архаичной и глубинной, очень устойчивой, тенденции некоторой части праславянских диалектов (об архаичности смешения нёбнопалатальных и дентальных в балтийских и славянских языках см. Дубасова 2008). Должен заметить, что, хоть и в несколько иных формулировках, я по-прежнему склонен полагать, что, во-первых, переход /д'/ в /g'/, /т'/ в /к'/) представляет собой достаточно раннее явление в тех карпато-украинских (прежде всего галицко-буковинских) говорах, где он фиксируется. И, во-вторых, что он не подразумевал и не требовал прохождения предварительной «стадии аффрикат» (Романчук 2014).

Помимо вопроса о переходе /д'/ в /g'/, и /т'/ в /к'/), здесь же хотел бы привести и информацию, озвученную в сноске в связи с рассмотрением булаештской лексики /|соркожа/, /|соркужа/ 'шелковица', мн. число: /|соркож'и/, /|соркуж'и/ (ни в буковинских, ни в гуцульских говорах аналогий этой лексеме, даже отдаленных, обнаружить не удалось).

Рассматривая ее как заимствование в булаештский говор из соседних молдавских, я предложил (см.: Романчук 2020: 83–84) гипотезу, объясняющую возникновение молдавской/румынской лексики *sorcoji*, *sorciji* 'шелковица'. Именно, оно произошло, на мой взгляд, в результате интерференции румынского *sôrgovă* и восточнославянского шелковица, шовковица. Такая интерференция происходила на территории между Днестром и Прутом – особенно в зоне, прилегающей к Днестру, где по диалектологическим данным фиксируются (в контексте рассмотрения молдавского агуд 'шелковица') гибридные варианты, в том числе шорковицы и шорков, Формы *șôrgov*, *șôrgova* 'шелковица', с пометкой «региональное», фиксируют и румынские словари, собранные на онлайн-платформе DEX.

Появление собственно формы *sorcoji*, *sorciji*, следует связывать, по всей видимости, с характерным для молдавских говоров переходом /v'/ в /j'/: *vițel* – *jițel* 'теленко', *viță* – *jiță* 'виноградная лоза' и пр.

В этой связи в соответствующем примечании-сноске указывалось, что такой переход характерен, в том числе, и для соседних с Булаештами молдавских сел – включая Мырзачь. Также отмечалось, что в Мырзачь мы фиксируем и любопытный переход /с/ в /ш':/ – в, по крайней мере, лексеме *casamare* 'парадная комната'. То есть молдавский диалектный вариант с. Мырзачь звучит как *sașeamare* (если прибегнуть к используемой в украинской диалектологии транскрипции: /|каш':а |маре/).

Завершая на этом комментарии к опубликованным ранее (см.: Романчук 2020) данным о восточнороманских лексических заимствованиях булаештского говора, обратимся далее к основной цели настоящей статьи.

На этом этапе исследований представляется целесообразным в первую очередь определить, сколько (и какие) из восточнороманских заимствований булаештского говора представлены также и в украинских говорах Буковины.

Как показали мои подсчеты, из 407 проанализированных лексем – восточнороманских заимствований булаештского говора, 175 отсутствуют в словаре буковинских говоров (СБГ 2005). Еще 51 булаештская лексема,

хотя и обнаруживает те или иные параллели, но отличается от буковинских вариантов либо в семантике, либо фонетически, либо ударением. Нередко же – и в том, и в другом, и даже в третьем.

То есть 42% булаештских лексем – заимствований румынского языка, не имеют параллелей в (СБГ 2005). И еще 12% – хотя и обнаруживают аналогии, но эти аналогии отличаются либо семантически, либо фонетически, либо ударением.

Так, например, булаештское /|подена/ ‘помост из досок, на котором складывают стог сена’, имеет аналогии в буковинских говорах, где близкая форма фиксируется в Заставновском, Кицманском, Новоселицком и Хотинских районах Черновицкой области. Но звучит эта форма как /по|ден’а/ – с ударением на втором, в отличие от булаештского варианта, слоге, и со смягчением /н/ в /н’/.

Аналогично булаештское /|кукода/ ‘растение рода бутень, *Chaerophyllum*’ в буковинских говорах звучит как /|кукота/. То есть буковинский вариант, в отличие от булаештского, фонетически идентичен румынскому регионализму *cucotă* ‘*Chaerophyllum cicutarium*’. Вопрос семантических отличий мы здесь не затрагиваем, поскольку это требует предварительной ботанической экспертизы.

Впрочем, подробный анализ этой группы восточнороманских заимствований булаештского говора должен стать целью отдельной работы. Однако предварительно можно полагать, что и в булаештский говор, и в говоры Буковины слова указанной группы также были заимствованы независимо.

Таким образом, более 54% восточнороманских заимствований булаештского говора, по всей видимости, не связаны с Буковиной.

Что касается тех аналогий восточнороманским заимствованиям булаештского говора, которые присутствуют в (СБГ 2005) и не отличаются фонетически, семантически или ударением, то и из них отнюдь не все могут считаться совместно заимствованными.

Но здесь каждый случай уже надо рассматривать отдельно.

Здесь же отметим, что из числа тех заимствований булаештского говора, которые находят полные аналогии в буковинских, 83 слова имеют общебуковинское распространение, то есть только 20% от всей проанализированной выборки в 407 лексических единиц, или 30% от имеющих аналогии в (СБГ 2005).

Что же касается тех аналогий, которые имеют локальное распределение, то здесь следует отметить, что резко выделяются по количеству обнаруженных аналогий Кицманский, Заставновский, Глибокский, Сторожинецкий и Вижницкий районы Черновицкой области. То есть именно те районы, которые и вообще в лексическом отношении демонстрируют наибольшую близость к булаештскому говору.

Завершая этот общий и достаточно предварительный обзор, считаю существенным также отметить, что среди восточнороманских заимствований булаештского говора, не обнаруживающих аналогий в буковинских говорах, заметное место занимают те румынизмы, которые, в свою очередь, в

румынский язык были заимствованы из турецкого или новогреческого языков.

Примечание

1. Стаття подготовлена в рамках проекта Института культурного наследия (2020–2023) 96-PS 20.80009.1606.02: *Evoluția tradițiilor și procesele etnice în Republica Moldova: suport teoretic și aplicativ în promovarea valorilor etnoculturale și coeziunii sociale*.

Литература

Дубасова А. В. О смешении нёбнопалатальных и дентальных в балтийских и славянских языках. В: Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради, 2008, № 30 (67), с. 90-94.

Кожухар К. С. Українсько-молдовські інтерференції в назвах страв з пшеничного борошна в українських говірках Республіки Молдова. В: Українсько-молдовські етнокультурні зв'язки: Міжнародні наукові читання пам'яті академіка Костянтина Поповича. Т. 1. Ред. В. Г. Кожухар, К. С. Кожухар. Кишинів: Elan-Poligraf, 2015, с. 243-248.

Романчук А. А. Булаештский говор и рефлексy праславянских сочетаний *tj и *dj. В: Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини: збірник наукових праць. Вип. 5. Відп. ред. Г. І. Мартинова. Умань: Візаві, 2014, с. 47-54.

Романчук А. А. Ойконим Мэрзаке/Мырзачь и славяно-восточноромано-«пост-золотоордынские» этноязыковые взаимодействия в микроромано-Булаешть – Мырзачь – Суслень (Орхейский р-н, Республика Молдова) в раннемолдавский период (XIV – начало XVI вв.). В: Українсько-молдовські етнокультурні зв'язки: міжнародні наукові читання пам'яті академіка Костянтина Поповича. Vol. III. Відп. ред. В. Г. Кожухар, К. С. Кожухар. Chișinău: Stratum plus, 2017, с. 333-352.

Романчук А. А. Алтэца, соркожи и некоторые другие восточнороманские заимствования в говоре булаештских украинцев: вид на фоне надпрутскобуковинского и гуцульского контекста. В: Філологічний часопис. Вип. 2 (16), 2020, с. 78-86.

Романчук А. А., Тащи И. Н. Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы (XIV – начало XVII вв. от Р. Х.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2010. 144 с.

СБГ 2005: Словник буковинських говірок. Ред. Н. В. Гуйванюк, К. М. Лук'янюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

СДЕЛМ 1978: Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть. Ред.: Н. Раевский, М. Габинский. Кишинев: Редакция принчипалэ а енциклопедией советиче Молдовенешть. 1978. 680 п.

Romanchuk A. Romanian lexical borrowings in the Ukrainian dialect of Bulaesti village: a general review. В: Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare. Programul și rezumatele comunicărilor conferinței științifice

internaționale. Ediția a XI-a. Chișinău, 29–31 octombrie 2019. Chișinău: IPC, 2019. p. 104-105.

Romanchuk A. Once again about the names of Bulaesti and Woloka: some refinements to the issue of origin of Bulaestian Ukrainians. B: Revista de Etnologie și Culturologie. Vol. XXVII, 2020, p. 107-111.

Alexei ROMANCIUC, doctorand, Institutul Patrimoniului Cultural (Chișinău, Republica Moldova)

E-mail: dierevo@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2021-7958>